

стваление о чем-нибудь вызывает во мне такое мучительное стремление туда, где мне что-нибудь представилось, то есть к чему-то тому, что за этим представлением, — понимаешь: за! — что не могу тебе выразить!» [1; 324]. Отсутствующее, но выраженное синтаксической конструкцией «ты» (местоимение «тебе») обозначает новые отношения «говорящего» и читателя. Это особый прием выражения «я» и «не я» в тексте, отражающий опыт самопонимания субъекта речи, «диалогические отношения» доверия. Получается, что человек зависим не только от самого места, но и от своих представлений о нем. Предлог «за» обозначает личный опыт человека, воображение и мир мысли, который находится за пределами общих знаний и представлений. «И что нужды, что был «Курьск» только скучнейшим губернским городом, а пыльный Путивль был, верно, и того скучней! *Разве не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной заре, на земляной стене слышен был «Ярославин глас»?*» [1; 156]. Пространство «южной Руси» напоминает пространство «глухой Руси», родной земли автора, приобретает мотив «глухости», достигая «вневременности»: «скучнейший», «пыльный». Место определяется историей русской земли и личным восприятием этой истории. В данном контексте можно говорить о «феномене культурной памяти» (термин Лотмана) и прапамяти: «Да, вот Полоцк, что меня тянуло туда? С этим словом — Полоцк или, по-древнему, Полотъск — у меня давно соединилось предание о древнем киевском князе Всеславе, которое я где-то прочел еще в отрочестве: он был свергнут братом с престола, бежал «в темный край полочан» и доживал свой век «в скудной бедности», в схиме, в молитвах, в трудах и в «прельщениях памяти» [1; 323]. «Диалогические отношения» приобретают форму пересказа. Слово — «полусвое и получужое», этическое. В образе князя Всеслава автор видит себя самого. Это ему приходится пребывать в «прельщениях памяти», на «чужой» земле. Мотив сна, иллюзии передает эмоциональное состояние героя, психологизм.

В данной работе мы приходим к следующему заключению: литература помогает открыть новый мир, поэтому важным является понимание «южной Руси» как образа, воссозданного древнерусской литературой, которая наполняет этот образ новыми ассоциациями, «голосами», а сам писатель дает ему новую жизнь в слове. «Обживание», «переживание» русской земли помогает создать целостное представление о ней, открыть в себе любовь к «своей» земле, пробудить «прапамять».

Литература

1. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Жизнь Арсеньева. Юность / Иван Алексеевич Бунин; под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. — М.: Художественная литература, 1966. — 340 с.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: 8 т. / Николай Васильевич Гоголь. — М.: Художественная литература, 1978. — 8 т.
3. Лихачев, Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М.: Просвещение, 1980. — С. 5-22.
4. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. — СПб.: Искусство, 2005. — С. 113-118.
5. Тэн, И. Философия искусства / И. Тэн. — М.: Республика, 1996. — 351 с.

М. О. Ганина, г. Тюмень

МИФЕМЫ «ХЛЕБ» И «МОЛОКО» В СТРУКТУРЕ ПЕРСОНАЖА ПЬЕСЫ Е. Л. ШВАРЦА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»

Текст пьесы до её постановки и публикации в 1956 году неоднократно подвергался изменениям. Генезис и реализация «Обыкновенного чуда» составляют большую протяженность во времени, охватывают широкий пласт советской эпохи, от Великой Отечественной войны и до развенчания культа личности Сталина. Задумана пьеса была в 1944 году, когда писатель находился в эвакуации.

Образы героев в пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» создаются посредством совмещения нескольких культурных мотивов, различных по временной и территориальной характеристике. Раскрытие значения каждого действующего лица может быть произведено на нескольких уровнях текста. При этом учитывается афиша пьесы, пролог, место персонажа в развитии сюжета, отношения с другими героями, его реплики и направленные на него ремарки.

Исследователи, анализируя произведения Е. Л. Шварца, чаще обращаются к вопросу о жанровой специфике, оставляя проблему индивидуально авторской структуры героя как вспомогательный момент. В работах С. А. Комарова, В. Е. Головчинер, М. Н. Липовецкого и др. представлены разработки новых подходов к анализу действующих лиц. Особое внимание уделяется роли «чужого сюжета» и «памяти жанра» в создании шварцевской структуры образов. Интересные результаты дает обращение к этимологической стороне обозначения образа, семантике связанных с ним мотивов и деталей. Таким образом, предоставляется возможным анализ структуры героя через содержательность детали.

По частоте повторения в тексте выделяются следующие детали:

- 1) единичные (например, текстовые метки, связанные с растительной тематикой: дуб, плющ, яблоко);
- 2) парные, использованные точечно (хлеб, вино, свадьба, похороны);
- 3) повторяющиеся, упоминающиеся на протяжении всей пьесы (огонь, слово, игра).

Такие содержательные элементы текста имеют символическое значение, связанное как с реалиями русской народной культуры, так и с общемировыми архаическими представлениями. В литературоведческой работе «Искусство детали» критик Е. С. Добин отмечает, что: «Деталь, будучи своего рода *точкой*, имеет тенденцию расширяться *вкруг*. Имеет иногда мало заметное, подчас совсем незаметное, а по временам очень сильное стремление сомкнуться с основным замыслом вещи: характерами, конфликтами, судьбами, — и этим придать произведению желанную рельефность, законченность, предельную выразительность» [3: 303].

Так, например, имеет значение для текста и содержательности образа концепт «хлеб», упоминание которого используется в пьесе в двух ситуациях.

Этот концепт относится к ключевым культурным архетипам у разных народов, к важнейшим смысловым элементам картины мира. В русской языковой картине мира слово «хлеб» представляет собой единство предмета и имени, это экзистенциально значимая ценность, древний архетип культуры.

В тексте пьесы лексема «хлеб» неоднократно повторяется в момент первой встречи главных героев, Принцессы и Медведя. Молодые люди знакомятся, Медведь признается девушке, что она ему сразу понравилась.

М е д в е д ь. Я очень этому рад. Боже мой, что же это я делаю? Вы, наверное, устали с дороги, проголодались, а я все болтаю да болтаю. Садитесь, пожалуйста. Вот молоко. Парное. Пейте! Ну же! С хлебом, с хлебом!

Девушка повинуется. Она пьет молоко и ест хлеб, не сводя глаз с Медведя.

Д е в у ш к а. Скажите, пожалуйста, вы не волшебник?

М е д в е д ь. Нет, что вы!

Д е в у ш к а. А почему же тогда я так слушаюсь вас? Я очень сытно позавтракала всего пять минут назад — и вот опять пью молоко, да еще с хлебом [1: 542].

О. М. Фрейндерберг, исследователь первобытной и античной культуры, в работе «Поэтика сюжета и жанра» обращает внимание на сакральную функцию пищи и хлеба, в частности. Еда играет центральную роль при браке, вся процедура которого метафорически повторяет историю растения, злака, хлеба. Помимо трапезы, составляющей важную часть свадьбы, отдельные эпизоды наполнены обрядами хлеба и вина. В древнейшем римском браке богам приносили жертвенный хлеб-пирог, и самый брак совершался на основе соучастия в его еде, новобрачные, с покрытыми головами, сидя на шкуре жертвенной овцы, совместно съедали пшеничный хлеб, и этим вкушением жена приобщалась к культуре мужа. В Греции мальчик, увенчанный цветами и желудями, нес корзину, наполненную хлебом, такой же мальчик нес в римском браке сосуд для злаков и зернового хлеба. Обряд кормления новобрачных делается составной частью свадьбы. Отдельные моменты раздачи еды всем присутствующим, вкушения хлеба и вина протягивают нити от брака к евхаристии и литургии.

С образами хлеба и молока также связан древний культ целителей, когда тело божества спасения, исцелений и воскресений отождествляется с пищей. Все боги, умеющие врачевать, являются богами пищи, хлеба и вина, в культе Христа, земледельческой Деметры и многих других видна параллельная евхаристическая метафористика в образах еды и питья. Зевсу Спасителю и Афине Спасительнице при жертвоприношении покрывался стол, и Диониса, когда его призывали на пиры для богов, именовали спасителем. То есть спасители обращены одной стороной к смерти, другой к плодородию и исцелению.

Молоко, наряду с хлебом, является одним из главных видов пищи, объектом мифологических верований, магических ритуалов и защиты. Материнское молоко как «генетический» продукт наделяется сакральным значением; молочное родство охраняется обычным правом наряду с другими видами ритуального родства, например, побратимства.

У христиан молоко символизирует логос, молоко небесное от мистической невесты, от церкви. Означает также простое учение, преподносимое неопитам до инициации и получения права пить вино причастия. Новообращенным давали молоко и мед, как символы пищи для новорожденных. В христианской иконографии бадня с молоком символизирует духовное питание Христа и Церкви.

До встречи с Медведем и принятии от него сакральной пищи — хлеба и молока, Принцесса пребывает в апатичном состоянии болезни, ее душевное самочувствие угнетено. О причинах смены обыденной жизни в замке на беспорядочное путешествие сообщается в разговоре Короля и Волшебника.

К о р о л ь. Это для нас с вами пустяк, потому что мы люди как люди. А бедная дочь моя, которую я вырастил как бы в теплице, упала в обморок!

Х о з я и н. Ну да?

К о р о л ь. Честное слово. Ее, видите ли, поразило, что папа, ее папа может сказать неправду. Стала она скучать, задумываться, томиться, а я растерялся [1: 540].

Сама Принцесса во время ссоры и разлуки с Медведем говорит о своем душевном состоянии, упоминая хлеб как важнейшую составляющую существования.

П р и н ц е с с а. ... все так сложилось, что другого выхода не найти. Мне и дышать трудно, и глядеть — вот как я устала. Я никому этого не показываю, потому что привыкла с детства не плакать, когда ушибусь, но ведь вы свой, верно?

Т р а к т и р щ и к. Я не хочу вам верить.

П р и н ц е с с а. А придется все-таки! как умирают без хлеба, без воды, без воздуха, так и я умираю оттого, что нет мне счастья, да и все тут [1: 580].

В отношениях с Принцессой Медведь выступает как целитель, излечивающий ее от одиночества и тоски по родственной душе. Одновременно он с самого начала обозначается как суженый, предназначенный жених. Эти стороны образа персонажа раскрываются через использование автором мифем «хлеб» и «молоко», имеющих сакральное значение.

Содержательные детали, представляющие собой универсальные мифемы и имеющие широкое значение в контексте различных культур, наиболее точно характеризуют персонажей пьесы, позволяют провести целостный анализ структуры действующих лиц.

Литература

1. Шварц Е. Л. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011.
2. Головчинер В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001.
3. Добин Е. С. Сюжет и действительность; Искусство детали. — Л.: Советский писатель, 1981.
4. Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920–1950-х годов. Ч. 2: коллективная моногр. / отв. ред. С. А. Комаров. — Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013.
5. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н. В. Брагинской. — М.: Лабиринт, 1997.